

Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал

С. Г. Михнева,

к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономической
теории и мировой экономики Пензенского
государственного университета,
докторант Волгоградского государственного
технического университета

Развернувшаяся в развитых странах в конце 70-х—начале 80-х годов двадцатого столетия вторая волна НТР ознаменовала переход от индустриального к информационному способу развития. Суть этого перехода сводится к тому, что информационная технологическая парадигма охватывает все сферы и отрасли индустриальной экономики, изменяя ее масштаб, динамику и внутреннее содержание. И в этом смысле переход от индустриализма к информационализму не является историческим эквивалентом перехода от аграрной к индустриальной экономике. Точно так же, как неправомерно сводить его только к росту экономики услуг, как это делают многие современные исследователи. В рамках новой технологической парадигмы формируются информационное сельское хозяйство (основанное на биотехнологии и генной инженерии), информационная промышленность (основанная на наукоемких технологиях, инновационности и гибкости) и информационная сфера услуг (основанная на компьютерных технологиях и телекоммуникационных связях).

Таким образом, понимание сущности информационной революции в сфере индустриальной экономики должно сводиться к осознанию того, что информационные технологии изменяют не виды деятельности, а их технологическую способность использовать в качестве прямой производительной силы то, что отличает человека от других биологических созданий, — способность обрабатывать и понимать символы, генерируя новое знание. Такие изменения структуры современной экономики рассматриваются сегодня как глобальный структурный сдвиг, ознаменовавший переход от «материальной» к «интеллектуальной» экономике, «экономике, базирующейся на знаниях» (knowledge-based economy).

Понятие «экономики, основанной на знаниях», или интеллектуальной экономики, получившее в последние годы широкое распространение в мировой экономической литературе, отражает признание того, что научные знания и специализированные уникальные навыки их носителей становятся главным источником и ключевым фактором развития материального и нематериального производства, обеспечения устойчивого экономического развития. Не случайно в современной западной науке «зреет понимание того, что общество стоит перед лицом нового изменения, которое несводимо к трансформации прежнего порядка, а представляет собой формирование нового социального устройства» [1].

Феномен «нового социального устройства» грядущей информационной цивилизации интенсивно изучается западными учеными в рамках концепции постиндустриального общества (Д. Белл, М. Янг, О. Тоффлер, П. Дракер, Р. Хейлбронер, Т. Сакайя, Т. Стюарт, Л. Эдвинсон и другие) и подвергается серьезным аналитическим исследованиям со стороны отечественных философов, социологов, экономистов (В. Л. Иноземцев, Г. Г. Дилигенский, Р. Цвылев, Н. Гаузер, Н. Иванов, Б. Мильнер, Э. Вильховченко, А. И. Добрынин, С. А. Курганский и другие). Обобщенный анализ работ представленных авторов позволяет выделить ряд тесно связанных между собой признаков «нового социального устройства». Кратко обозначим каждый из них.

● **Замещение труда знаниями**, что означает переход от чисто технических навыков к интеллектуальным. Этот признак сторонники постиндустриальной теории выделяют в качестве основного, предопределяющего и обуславливающего все последующие. Поэтому неслучайны и сами термины «информационное общество», «общество зна-

ния», «информационная экономика», «интеллектуальная экономика».

Глубина радикальных перемен, связанных с замещением труда знаниями, состоит в том, что в условиях, когда знания вовлекаются в практическую переработку ресурсов, именно знания, а не труд начинают выступать в качестве источника стоимости. Трудовая теория стоимости заменяется теорией «стоимости, создаваемой знаниями» (knowledge-value). Как подчеркивает основоположник этой теории Т. Сакайя: «...мы вступаем в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знаниями» [2]. Как следствие, экономика превращается в систему, функционирующую на основе обмена знаниями и их взаимной оценки.

Замещение труда знаниями дает западным ученым основание говорить о возможной замене трудовой деятельности новым типом активности, отличающимся значительными элементами творчества, ставить вопрос об исторической перспективе «классического» труда. Напомним, что еще основоположники марксизма отмечали, что последний с развитием общества уступит место более высокому типу деятельности, отождествляя уничтожение или устранение труда в будущем социуме с выходом человека за рамки сферы собственно производства [3].

С замещением труда знаниями на первый план в деятельности предприятий, организаций выходит задача аккумуляции интеллектуального капитала, выявления, накопления и распространения информации и опыта, создания предпосылок для распространения и передачи знаний [4]. Сердцевиной развития творческого потенциала работника становится система «управления знаниями» (knowledge management), превращения фирм в самообучающуюся систему, использующую свои предприятия в качестве лаборатории передового опыта и втягивающую в процесс поиска и открытий весь коллектив.

● **Опережающее развитие живого знания по сравнению с овеществленным**. Первое получило в английском языке выразительное название «мягкого товара» (soft-ware), а второе — «твердого товара» (hard-ware) или овеществленного в оборудовании знания.

«Софтизация» экономики означает доминирование в процессе производства информационных потоков над непосредственным взаимодействием с природой через обработку вещества природы и доведение его до потребителя. Сегодня в развитых странах непосредственное воздействие на материальный предмет труда осуществляют уже не 9/10, как это

было в условиях индустриальной экономики, а менее 1/3 работников [5]. Основная же часть человеческой активности представляет «игру между людьми» (game between persons), продукт которой представлен знаниями и информацией. Знания и творческий потенциал работников становятся главным фактором эффективности экономической системы, без которого технический и экономический прогресс последней становится практически недостижимой задачей, вне зависимости от объема средств, инвестированных в производственное оборудование и технологию. Вовлекаемая в производительное потребление научная, экономическая, технологическая, организационно-управленческая информация, во многом предшествуя производственному процессу, определяя его соответствие меняющимся условиям производства, становится движущей силой инноваций, «персонифицированным» ресурсом, частью ноу-хау компаний. Последние исследования западных ученых свидетельствуют о резком возрастании ценности интеллектуальных фондов компании по сравнению с ее материальными ресурсами и финансовым капиталом. В целом их соотношение колеблется между 5:1 и 6:1. Подсчитано также, что доллар, затраченный на исследования и разработки, приносит в восемь раз большую прибыль, чем доллар, вложенный в технику [6].

Таким образом, повышение степени «знаниеемкости» современного производства ведет к смене концепции экономии на развитии труда на противоположную, все более выдвигает на первый план творческие потенции человека, его профессионализм и эрудицию, способность быть «избыточным», большим тех ролей и функций, в которых он заменяем, и предстает лишь «очередным смертным носителем бессмертного социального начала» [7].

● **Переход от технократической к антропоцентрической организации производства и труда.** Если индустриализм (тейлоризм-фордизм) доводит до предела тенденцию превращения человека в придаток машинной системы, прочно соединяя авторитарность управления, жесткость контроля над рядовыми работниками, иерархичность служебной лестницы с целевой функцией максимизации прибыли, то в условиях «интеллектуальной экономики» такая организация производства признается обанкротившейся; считается необходимым отказ от старой системы в пользу возможно большего расширения круга активных участников производственного процесса.

В связи с этим в разнообразных формах все больше проявляется дви-

жение к новой модели развития и использования человеческих ресурсов. В противовес тейлоризму-фордизму новая модель организации труда предусматривает расширение функций работника и переход от «частичного» работника (узкой специализации) к работнику «широкого диапазона» (универсалу), способному осуществлять верификацию, оценку, творческий синтез информации, проникать в суть проблемы, осуществлять корректировку технологического процесса, то есть быть не только субъектом производственного освоения НТР, но и ее движущей силой.

● **Демократизация экономических отношений (промышленная демократизация),** интерпретируемая в социальных терминах как «сотрудничество коллектива с администрацией» и даже более откровенно как «интеграция коллектива с предприятием». Суть экономической демократии — в переходе от жестких авторитарных форм управления живым трудом к гибким формам, предполагающим расширение прав рядового работника в управлении производством. При этом речь идет не о примитивной «митинговой» демократии, а о сочетании прямого (непосредственного) участия в управлении с механизмами представительства интересов и мнений различных групп производственного персонала.

Демократизация экономической жизни ведет к тому, что от работника, формально не относящегося к категории менеджера, все больше требуется обладание способностями, ранее считавшимися исключительной прерогативой менеджеров или организаторов производства. «Размывание границы между менеджерами и работниками ведет к „уплощению” традиционной иерархии, распределению ответственности, ранее сосредотачиваемой на верхнем этаже иерархии, по всей организации. Тем самым ослабляется сопротивление изменениям: более „плоские” иерархические структуры способствуют организационному обучению» [8]. Увеличение вовлеченности работников в дела предприятия ведет к сокращению разрыва между уровнем политической и экономической демократии, способствует снятию противоречия между двумя противоположными ролями человека: как полноправного гражданина в демократическом обществе и подчиненного существа в производстве.

● **Новая этика, или «социализация» труда,** становлению которой способствует освобождение человека от господства прежних ценностей, появление у него критического отношения к «работу перед машиной», к тейлористской организации труда, авторитету власти,

к человеческим жертвам ради экономического императива. Если в основу господствующего сегодня экономического императива заложен принцип личной выгоды, а критерий успеха — богатство, то в основе социального — этические (морально-нравственные, гуманистические) нормы. Высокоинтеллектуальная рабочая сила в этику полноценной трудовой жизни уже включает «иррациональные элементы, связанные с эмоциями, интуицией, подсознанием, спецификой восприятия, самоанализом, а также способность человека к «преобразованию реальности», т.е. формируется этика экзистенциальная взамен «утилитарно-процедурной» [9]. Создается новая социальная среда «развития работника в труде», новое «качество трудовой жизни». Последнее предопределяет «социализацию труда» и «означает самостоятельное мышление и нестандартное творческое отношение к работе как критерий профессионального требования» [10].

● **Деструкция основ частной собственности,** в основе которой лежит формирование собственности на информацию и знания. Как отмечают западные ученые, «...движение информации бросает вызов границам исключительной и индивидуальной собственности» [11]. Во-первых, это связано с тем, что знания и информация неотделимы от тех, кто их производит, отделение капитала от труда становится невозможным. Во-вторых, даже будучи проданным, знание остается у своего производителя, и поэтому представляет собой «коллективное благо». В результате в экономике со значительными информационными потоками не всегда возможно — если воспользоваться собственнической фразеологией Хайека — установить четкие «правила» между «моим» и «твоим» [12].

Это радикализирует отношения собственности, ведет к тому, что «в развитых странах возникают общества, в которых человек не зависит в той степени, в какой это имело место в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главным из них становятся знания, неотделимые от человека, а условия их развития и применения становятся все более доступными» [13]. В связи с этим западные ученые говорят о «внутренней собственности» (intra-ownership или intra-property), о некоей «несобственности» (non-ownership), о том, что собственность вообще утрачивает какое-либо значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь ограниченными и условными.

Таким образом, прогресс знаний ведет не только к изменению баланса между вещественными (осязаемыми) и неведественными (неосязаемыми) факторами производства, но и к «размыванию», «разрушению», «подрыву» частной собственности, «рождению плюралистических отношений, отношений, переходных к новому качеству» [14].

● **Новый тип экономической власти.** В информационном обществе знаменитый лозунг «знание — сила» превращается в максимум «знание — власть». В условиях, когда лимитирующим фактором технического и экономического прогресса становится «наличие или отсутствие знания», отношение к средствам производства перестает быть решающим фактором влияния, власти и привилегий в обществе. Подлинная власть сосредоточивается «в процессе осмысления информации, а не в какой-либо должности или управленческой функции» [15].

Как подчеркивают западные ученые, «постиндустриальное общество по изначальной логике является меритократией» [16]. Меритократия (от слова «merit» — заслуга) в их понимании — это небольшая группа людей, которая занимает социальное положение, обусловленное не правом рождения или имущественным положением, а исключительно интеллектуальным потенциалом и способностью генерировать новое знание. Как справедливо замечает В. Л. Иноземцев, «значение этой трансформации невозможно переоценить: оно фундаментально для экономической, социальной и политической структур современного общества» [17] и позволяет, предвосхитив грядущие события, понять, «что конфликты будущего окажутся основанными не столько на противоречии материальных интересов полярных общественных классов, сколько на несопоставимости этосов профессионализма и себялюбия, этосов традиционного рационализма и приходящего ему на смену экспрессивизма» [18].

● **Формирование новых приоритетов личности и социума,** означающее переход от максимизации материального потребления к «качеству жизни»: гуманистическим, экологическим и вообще «немонетарным» критериям бытия. Интеллектуализация экономики подрывает основы техногенной цивилизации — тех мотивов, целей, которые сформировали ее целостность, выступали движущей силой поступательного развития. На смену императива максимизации материального благосостояния приходит осознание возможности самоутверждения через обладание и умение воспользоваться знаниями. Новые социально-лично-

стные запросы, носители которых в 60-70-е годы двадцатого столетия были в развитых странах статистическим меньшинством, получают дальнейшее развитие. Исследователи этих тенденций в США отмечают, что если пункт «интересной работы» в 1946 г. стоял на шестом месте в системе ценностных ориентаций американцев, то в 1986 г. — на первом [19]. Новая «элита» постматериалистов ищет самовыражение вне традиционных стереотипов поведения, выдвигая на первый план развитие духовных потребностей, стремление к саморазвитию, уважению личного достоинства и самостоятельности. Что касается материальных потребностей, то они сохраняются и развиваются, но уже в новом качестве, не как условие существования человека, а как необходимое условие его духовного развития, как «символ признания и статуса в обществе, как источник самооценки и удовлетворенности жизнью и профессиональной деятельностью» [20]. Как подчеркивают западные исследователи, постматериалистами чаще всего становятся те, кто с рождения пользуется всеми материальными благами, чем в значительной степени и объясняется их переход к постматериализму. Это дает возможность говорить не только об устойчивости данной социальной группы, но и о ее способности к самовоспроизводству и самоутверждению в современном обществе.

В отмеченной тенденции современные философы видят проявление такой особенности нарождающейся цивилизации, как «универсальный творческий гуманизм». «Универсальный — поскольку он ориентирован на свободное развитие каждого человека, творческий — потому, что это развитие означает максимальную мобилизацию потенциала личности» [21].

● **Прозьюмеризм,** означающий переход от «чистого производства» к «процессу», в котором важную роль играет потребление, от «чистого потребления» — к производительной деятельности, рассматриваемой как «разновидность досуга». Термин «prosumer», сочетающий указание и на производство, и на потребление, был введен в научный оборот О. Тоффлером и впервые использован в отечественной научной литературе В. Л. Иноземцевым.

Проявлению прозьюмеризма предшествовал длительный путь развития личности: от узкой специализации, привязывающей человека к одному занятию и порабащивающей его личность, — к всестороннему развитию как способу участия в постоянном процессе общественного движения; от насыщения элементарных, традиционных потребностей (как физических,

так и духовных) — к удовлетворению потребностей более высокого порядка, потребностей в самоутверждении, творчестве. Известно, что удовлетворение традиционных личных потребностей осуществляется в форме потребления за счет предметов потребления и услуг. Удовлетворение же духовных потребностей достигается и в других формах. Одной из таких форм является использование в трудовой деятельности необходимых знаний, воплощение их в новых методах работы, продуктах труда. Именно на этой основе возникает и развивается потребность в творчестве, как высшая форма духовных потребностей. То есть сам труд со стороны использования, функционирования творческих способностей становится сферой непосредственного удовлетворения духовных потребностей, потребностей в творчестве. В этих условиях свободное время становится, с одной стороны, пространством для развертывания всех творческих дарований человека, разнообразных форм его творческой деятельности: занятия науками, искусством, спортом, общественными делами, а с другой стороны, необходимым и обязательным условием формирования его творческой личности. При этом «свободное и рабочее время становятся, фактически, неразделимы» [22].

Сформулированные нами признаки «нового социального устройства» наглядно иллюстрируют происходящий под воздействием современной НТР переход количественных изменений в качественные и настоятельно требуют формирования новой парадигмы общественного развития, ориентированной на императив интеллектуализации труда, неведственного богатства (информации, знания, интеллекта), постматериалистических ценностей.

Замена труда знанием знаменует превращение общественного производства из материального в инновационное. Инновационное производство — это производство, в основе которого лежит использование новых знаний (или новое использование знаний), воплощенных в технологии, ноу-хау, новых комбинациях производственных факторов, структуре организации и управления производством, и позволяющих получать интеллектуальную ренту и различного рода преимущества перед конкурентами (рис. 1).

Из данного определения следует, что инновационное производство — это не «вид», не «новая сфера производства», а характер производственной деятельности, при котором центральная роль в производственном процессе смещается с механического использования информации к интеллектуальному, творческому. Переход

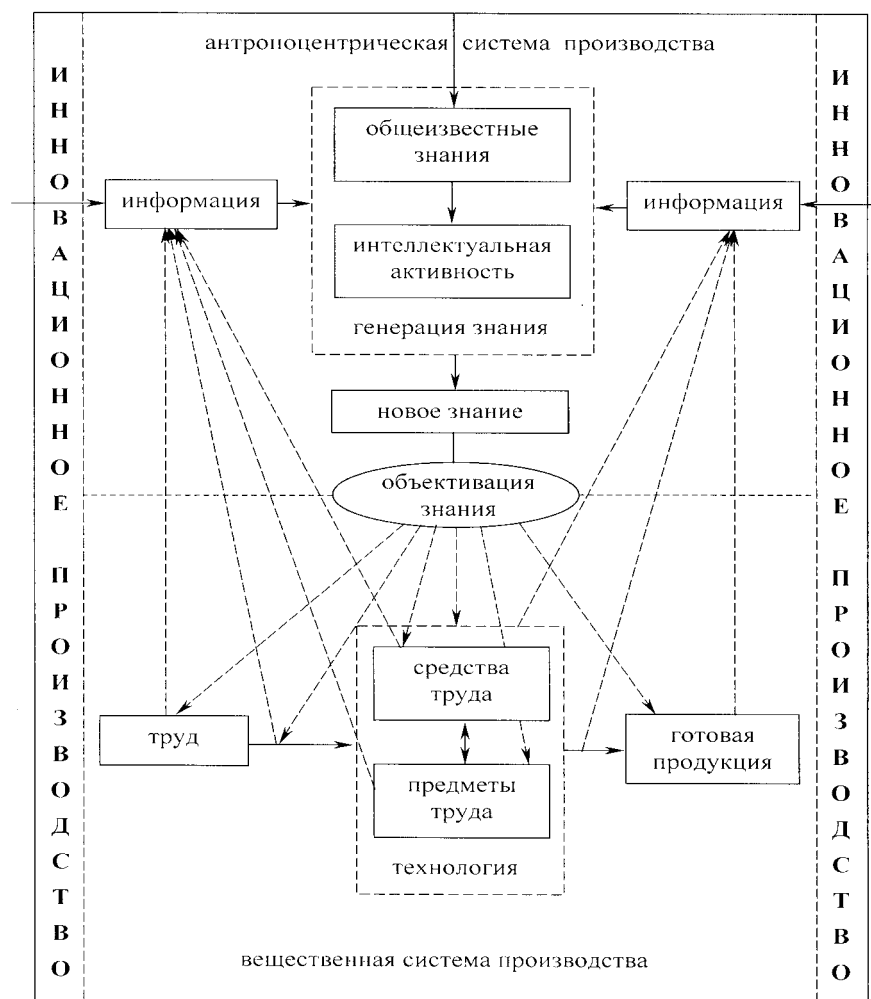

Рис. 1. Структура и взаимосвязи инновационного производства

от чисто материального к инновационному производству означает, что наряду с вещественной (осязаемой) формой бытия общественного производства появляется «неосязаемая» форма, которую мы предлагаем называть антропоцентрической.

Суть антропоцентрической формы производства состоит в генерации знания. Генерация знания — это «эманация», творение знания путем переработки информации на основе общеизвестного знания.

Источником генерации нового знания выступает интеллектуальная активность человека. Интеллектуальная активность — это основанная на знании, осознанная, нравственно ориентированная способность собирать, накапливать и перерабатывать все нарастающие потоки информации.

Сама инновация зависит от двух условий: интеллектуального потенциала человека и его способности к спецификации — новое знание должно быть открыто (генерировано), а затем применено к специфическим задачам в конкретном организационном/производственном контексте.

Комплексная трактовка структуры инновационного производства означает, во-первых, что наряду с «осязаемым» движением вещественных факторов производства, в нем осуществляется еще одно, «неосязаемое» движение — движение информации и знаний; во-вторых, что интеллектуальная активность человека приобретает в процессе производства функциональное назначение и выступает своего рода «неосязаемым средством труда», генерирующим знание.

Другими словами, инновационное производство — это диалектическое единство материальной (осязаемой) и антропоцентрической (неосязаемой) систем производства. Результатом первой выступает материальный продукт, результатом второй — интеллектуальный капитал — знания, которые могут быть использованы в организации, чтобы получать различного рода преимущества перед конкурентами. В западной теории данное положение интерпретируется следующим образом: как только инвестиции в исследования и развитие превысили инвестиции в основные фонды, компания превра-

щается, по образному выражению японского профессора Ф. Кадама, в структуру, в которой не только что-то производят, но и думают [23].

Между антропоцентрической и материальными системами производства существуют прямая и обратная связи. Первая осуществляется через потоки информации, вторая — через объективацию знания.

Организация информационных потоков является одним из важных условий функционирования антропоцентрической системы производства, поскольку только объективная, полная и оперативная информация может обеспечить точный анализ и последующую выработку необходимых рекомендаций и предложений.

Объективация знания — это процесс превращения знания из «субъективной реальности», находящейся в голове человека, в объективную или, что то же самое, переход знания из «чистого» состояния в «связанное» с различными материальными носителями. В связанном состоянии оно существует в виде знания, воплощенного в техническом оборудовании, структуре управления и организации производства; зафиксированного в различной документальной форме (патентах, программах, справочном материале, памяти компьютера и т.п.), а также в форме роста социальной эффективности (повышении квалификации и уровня образования, рациональном использовании свободного времени, повышении творческой и социальной активности и т.п.). Объективация знания отнюдь не означает его «овеществление» в смысле превращения в вещество, материю. Оно как было по своей природе идеальным образованием, так и остается, точно так же, как материя, «оплодотворенная» знанием, так и остается материей.

Основным связующим звеном между антропоцентрической и вещественными системами инновационного производства выступает интеллектуальная активность, которая, с одной стороны, выступает основой антропоцентрического производства, а с другой стороны, является основной характеристикой трудового потенциала субъективного фактора материального производства.

Как видим, на определенной стадии развития общественного производства в его структуру наряду с непосредственными способностями человека к труду, органично включаются способности к интеллектуальной активности. Последние исторически и логически являются как бы продолжением, формой закрепления и развития непосредственных способностей к труду. В то же время они имеют само-

стоятельную форму бытия, определяемую уровнем наличного знания, общей культуры, характером социальных ценностей и нравственных установок. Впервые необходимость осмысления на теоретическом уровне новой формы бытия труда — созидательных, интеллектуальных способностей человека научно обосновал В. Гойло. Отечественная наука, как справедливо заметил В. Гойло, избегала познавать законы интеллектуального производства как вполне самостоятельного вида общественного труда. Это было связано с давлением, которое оказывалось на науку со стороны «Капитала» К. Маркса, где все было посвящено исследованию физического труда. Поэтому в отечественной экономической литературе существовало ставшее аксиомой унифицированное определение труда как простого единства умственных и физических способностей человека, без выделения и изучения специфики его составляющих частей как таковых [24]. Это позволяет, с одной стороны, ставить вопрос о бифуркации способностей человека к труду на две самостоятельные и в определенной степени противоположные субстанции — способности к исполнительскому и способности к творческому труду; с другой стороны, утверждать о несводимости «вещного», социального и социально-экономического содержания интеллектуального и исполнительского труда к единой субстанциональной основе — способностям человека к труду «вообще» [25].

Способности к исполнительскому труду характеризуются набором конкретных физических и нервно-психических потенций человека, профессионально-квалификационных знаний, навыков, умений, производственного опыта — всего того, что предопределяет репродуктивную трудовую деятельность в рамках материального производства. Способности к творческому труду — это способности к исполнительскому труду, «оплодотворенные» интеллектуальной активностью, направленной преимущественно на саморазвитие и самореализацию личности в системе общественной организации производства. Главным и отличительным компонентом способностей к творческому труду выступает интеллектуальная активность, благодаря которой репродуктивная трудовая деятельность наполняется созидательной силой.

Вопрос о роли интеллектуальной активности в регулировании творческой деятельности требует специального исследования. Мы же пытаемся подчеркнуть, что интеллектуальная активность является основным и опреде-

ляющим компонентом той новой категории работников, которую называют сегодня человеческим капиталом.

В отечественной литературе часто встречаются упрощенные трактовки понятия «человеческий капитал»: как совокупности знаний, практических навыков и трудовых усилий человека [26] или как человеческих способностей, дарований, навыков, которые следует признать особой формой капитала [27]. В таких определениях теряется сущность капитала как самовозрастающей стоимости, остается нераскрытой его природа. Возникнув на ранних этапах формирования доктрины человеческого капитала, подобные представления претерпели к сегодняшнему дню существенные изменения, обогатившись практикой крупнейших корпораций по управлению интеллектуальным капиталом.

По нашему мнению, человеческий капитал как функциональная составляющая инновационного производства — это знания, навыки, практический опыт, одухотворенные интеллектуальной активностью, выступающей формой реализации интеллектуальных, нравственных и культурно ориентированных способностей человека к созданию нового, ранее неизвестного знания, обеспечивающего получение интеллектуальной ренты и различного рода преимуществ перед конкурентами. Из определения следует, что интеллектуальная активность является тем компонентом, который отличает способности к творческому труду от способностей к исполнительскому труду, человеческий капитал от простой рабочей силы, определяет условия и природу процесса «капитализации» способностей к труду.

Особенность интеллектуальной экономики состоит в том, что ее главный ресурс — знания, информация, в отличие от всех прочих ресурсов не характеризуется ни конечностью, ни истощаемостью, ни потребляемостью в их традиционном понимании. Основным условием, лимитирующим приобщение к столь доступному ресурсу, выступают специфические качества самого человека — *наличие или отсутствие способности к интеллектуальной активности*, как форме накопления, переработки и генерации новых знаний. Другими словами, доступность знаний отнюдь не означает доступность обладания ими. Знания и информация, будучи в силу своих объективных характеристик доступными для всех, в силу субъективных характеристик их потребителей сосредоточиваются лишь у относительно узкого круга людей, «социальная роль которых не может быть оспорена в современных условиях ни при каких обстоятельствах» [28].

При этом речь идет не о какой-то национальной «исключительности», «одаренности» тех или иных народов и не о «врожденной» способности людей. Многочисленные тесты выявили, что так называемый коэффициент интеллектуальности (IQ) одинаков у представителей различных этнических групп населения как внутри, так и между странами [29]. В данном случае имеется в виду достигнутый уровень знаний и общей культуры, характер сформированных у индивидов потенциальных ценностей, нравственных установок. Именно эти составляющие как неотъемлемое условие формирования и развития интеллектуальной активности становятся главными в системе функционирования и воспроизводства человеческого капитала. Если в отечественной науке подобное утверждение выглядит тенденциозным, то в западной оно давно стало прописной истиной. Так, в одном из современных американских учебников подчеркивается: «Если бы для успешной работы требовался только высокий интеллект, то все, добившиеся успеха, были бы умными людьми. Однако вместо того, чтобы выискивать лишь общие способности, следует попытаться определить, какова мотивация человека, насколько он инициативен и способен взяться за работу и довести ее до конца, а также контролировать страх потерпеть неудачу... Такой подход скорее, чем проведение интеллектуального теста, позволит привлечь и сохранить продуктивных сотрудников» [30].

Как мы убедились, интеллектуальная активность становится в условиях информационной экономики таким же «экономическим феноменом», каким в прошлые эпохи были «средний уровень искусства рабочего, его образовательный уровень». Поэтому именно наличие или отсутствие данного качества, особенности его проявления на воспроизводственном уровне и в процессе труда должны лежать в основе разграничения категориальных понятий способностей к исполнительскому и творческому труду, материального и инновационного производства.

Литература

1. В. Л. Иноземцев. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения// Вопросы философии. 1997. № 10. С. 34.
2. Т. Сакайя. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего// Новая индустриальная волна на Западе: Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 337-371.
3. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II. С. 213, 218; Там же Т. 3. С. 192.

4. Б. Мильнер. Управление знаниями — вызов XXI века // Вопросы экономики. 1999. № 9. С. 109.
5. Е. В. Денискина. Эволюция факторов производства в экономической системе / Е. В. Денискина, И. Н. Сычева // Глобальные и региональные аспекты экономики. Сборник докладов на международной научной конференции / Под ред. А. А. Стриженко. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. С. 155.
6. И. Комаров. Интеллектуальный капитал // Персонал. 2000. № 5. С. 56.
7. М. Петров. Человек и культура в НТР // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 80.
8. Дж. Ходжсон. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 40.
9. Э. Вильховченко. Прогресс труда на современном этапе НТР (соотношение детерминизма технологического, организационного и социокультурного) (статья вторая) // Международные экономические отношения. 1992. № 10. С. 40.
10. Г. Мкртчян. Социальные аспекты рынка труда / Г. Мкртчян, И. Чистяков // Общество и экономика. 1999. № 9. С. 101.
11. Дж. Ходжсон. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 38.
12. Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. М.: Academia, 1999. С. LII.
13. В. Л. Иноземцев. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социс. 2000. № 6. С. 70.
14. Л. Шарин. Метаэкономика: интеграция материального и научного производства // Общество и экономика. 2000. № 1. С. 61.
15. Дж. Ходжсон. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности. С. 36.
16. Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 548.
17. В. Л. Иноземцев. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения. С. 36.
18. Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 501.
19. Г. Мкртчян. Социальные аспекты рынка труда / Г. Мкртчян, И. Чистяков. С. 97.
20. Э. Вильховченко. Прогресс труда на современном этапе НТР (статья вторая) // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 10. С. 39.
21. Г. Г. Дилигенский. «Конец истории» или смена цивилизации? // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 41.
22. В. Л. Иноземцев. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения. С. 37.
23. И. Комаров. Интеллектуальный капитал // Персонал. 2000. № 5. С. 57.
24. В. Гойло. Политическая экономия интеллектуального труда // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 138.
25. С. Г. Михнева. Рынок труда: методологические и теоретические основы познания (системно-эволюционный подход): Монография, научн. ред. Л. С. Шаховская / Волгоград. гос. тех. ун-т. Волгоград, 2001. С. 89-156.
26. А. Олейник. Институциональная экономика: Учебно-методическое пособие. Тема 12 // Вопросы экономики. 1999. № 12. С. 125.
27. А. И. Добрынин. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренкова. СПб.: Наука, 1999. С. 40.
28. В. Л. Иноземцев. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. С. 74.
29. Э. А. Араб-Оглы. Обозримое будущее: социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль, 1986. С. 160.
30. Дж. Л. Гибсон. Организация: поведение, структура, процессы / Дж. Л. Гибсон, Д. М. Иванцевич, Д. Х. Доннелли. Пер. с англ. 8-е изд. М.: Инфра-М, 2000. С. 85.